

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 185

01 августа 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя заявителя П. – Н. (доверенность на бланке ..., удостоверенная нотариусом ... Х.; личность установлена по паспорту), адвоката С., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 25 апреля 2024 года (вх. ...) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 19 июня 2024 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, пп. 6 п. 1 ст. 9 (Адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов) Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., что выразилось в заключении им 07 августа 2022 года в помещении следственного отдела по городу ... Следственного комитета Российской Федерации по ... с П. Договора на ведение уголовного дела № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело № ... в качестве защитника П. для оказания содействия следователю, в производстве которого находилось уголовное дело, в проведении с П. первоначальных следственных и иных процессуальных действий;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе П. от 25 апреля 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях

(бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель заявителя П. – Н. в заседании Совета сообщила, что получила заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась с ним, согласна с выводами Комиссии и поддерживает доводы, изложенные в ее обращениях в Адвокатскую палату города Москвы от 24 июня 2024 года (вх. № ...) и от 22 июля 2024 года (вх. ...). Отвечая на вопросы членов Совета, сообщила, что адвокат С. явился в следственный отдел по городу ... СК РФ по ... около трех часов ночи, участвовал при оформлении задержания П., получении от него явки с повинной, допросе и проверке показаний на месте. При этом сообщение от адвоката С. о самом факте задержания родственникам П. поступило около 12 часов, то есть спустя длительное время после того, как указанные выше следственные действия были произведены. Считает, что наиболее справедливой мерой дисциплинарной ответственности адвоката С. будет прекращение статуса адвоката, поскольку он пришел неизвестно откуда и помогал не П., а следствию.

Адвокат С. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии не согласен и поддерживает доводы, изложенные в своих возражениях от 29 июля 2024 года (вх. ...). Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил, что признает свои действия упречными в части того, что ненадлежащим образом идентифицировал мужчину, который обратился к нему по телефону с просьбой оказать юридическую помощь П. Об обратившемся к нему человеке он ничего не знает. Подтвердив, что он ранее работал в том следственном органе, в котором производились процессуальные действия с П., отрицает использование каких-либо личных связей с сотрудниками правоохранительных органов в целях вступления в уголовное дело в качестве защитника П. для оказания содействия следствию. Никого из следователей, работавших с П., он лично не знал. Помимо этого, полагает, что настоящее дисциплинарное производство подлежит прекращению в силу истечения шестимесячного срока для применения меры дисциплинарной ответственности, предусмотренного пунктом 5 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также в связи с тем, что ранее в Адвокатской палате Калининградской области было отказано в возбуждении в отношении него дисциплинарного производства по аналогичной жалобе.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 05 августа 2022 года ... ГСУ СК РФ по ... возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения трупов П.И. и П.Л. 06 августа 2022 года П. был фактически задержан по подозрению в совершении убийства своих

родителей и находился в помещении указанного следственного отдела. 07 августа 2022 года в уголовное дело в качестве защитника П. вступил адвокат С., предъявив ордер на защиту П. на предварительном следствии на основании Соглашения от 07 августа 2022 года. После этого с П. был проведен ряд следственных и иных процессуальных действий с участием адвоката С. в качестве его защитника.

07 августа 2022 года в 19.40 час. П. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, по подозрению в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В этот же день ему предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

08 августа 2022 года перед рассмотрением ... судом ... ходатайства следователя об избрании П. меры пресечения в виде заключения под стражу последний отказался от защитника – адвоката С.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат С. был приглашен следователем для осуществления защиты П., между адвокатом С. и П. не было заключено соглашение на его защиту, родственники и знакомые П. такого соглашения также не заключали, а адвокат С. действовал исключительно в интересах следователя, Совет, прежде всего, обращает внимание на причину и обстоятельства появления адвоката С. в СО ... СК РФ по Как сообщил адвокат С., его появление в указанном следственном органе было обусловлено просьбой ранее незнакомого ему мужчины защищать П., поступившей в ходе телефонного звонка. При этом какие-либо данные о якобы звонившем ему мужчине, включая номер его телефона, фамилию, имя, отчество и иные идентификационные сведения, адвокат С. не сообщил.

Объясняя наличие у него предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для вступления в уголовное дело в качестве защитника П. (ч. 1 ст. 50 УПК РФ), адвокат С. представил в материалы дисциплинарного производства заключенный между ним и П. Договор от 07 августа 2022 года № ... на ведение уголовного дела, в соответствии с которым адвокат С. принял на себя защиту *«П. по уголовному делу № ... на следствии в ГСУ СК России по ...»*. При этом в соответствии с п. 3.1 и 3.5 Договора вознаграждение адвоката С. за выполненную им работу было установлено в размере 5 000 рублей за один час работы адвоката и подлежало оплате на основании счетов, выставленных адвокатом.

Поскольку П. в своей жалобе указал, что допускает возможность подписания им договора с адвокатом С., не вникая в его содержание и в составе различных других документов, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что указанный Договор действительно был заключен между ними.

Вместе с тем, Совет отмечает, что подписание соглашения об оказании юридической помощи между адвокатом и доверителем является лишь актом формализации их отношений, которые по своему характеру являются фидуциарными (доверительными) и формируются не в силу самого

подписания такого соглашения, а до этого под воздействием определенных, хотя и в каждом случае уникальных, фактических обстоятельств, создающих необходимые условия для формирования доверительных отношений. Только при наличии таких условий и в контексте таких отношений заключение соглашения об оказании юридической помощи может быть признано результатом истинного и свободного волеизъявления лица, обратившегося за оказанием юридической помощи. И именно такое волеизъявление в уголовном судопроизводстве является формой реализации права подозреваемого и обвиняемого на свободный выбор защитника.

Адвокатом С. не представлено убедительных объяснений обстоятельств, при которых могли бы сформироваться и сформировались доверительные отношения между ним и заявителем П. и которые могли бы создать условия для осознанного и добровольного заключения последним соглашения об оказании юридической помощи именно с адвокатом С. При этом адвокат С. не только не отрицает того обстоятельства, что до 07 августа 2022 года П. не был с ним знаком и не приглашал его для осуществления своей защиты по уголовному делу, но и не сообщает, кто конкретно и в силу каких причин обратился именно к нему в ночное время с просьбой незамедлительно явиться в следственный отдел для осуществления защиты П.

В рассматриваемом контексте Совет особо отмечает, что 07 августа 2022 года адвокат С. прибыл в указанный следственный орган, в котором находился П., до составления протокола задержания последнего, то есть ранее, чем П. получил возможность уведомить своих близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 96 УПК РФ.

Как следует из жалобы заявителя П., информацией о его фактическом задержании обладала только его бывшая супруга – По., которая до 03.00 час. ждала П. у входа в следственный отдел и интересовалась у сотрудников следственного отдела, есть ли необходимость привлечения адвоката, на что сотрудники отвечали, что адвокат не нужен, стоять и ждать П. у здания отдела не стоит. Примерно в это же время в СО ... СК РФ по ... прибыл адвокат С.

Установленная и описанная выше совокупность обстоятельств вне разумных сомнений свидетельствует о том, что источником информации для адвоката С. о фактическом задержании П. могли быть лица, условно разделенные на две группы: (1) бывшая супруга П. – По. и/или иные родственники или близкие лица П.; (2) сотрудники правоохранительных органов, в том числе следователи СО ... СК РФ по ..., которые обладали полной и эксклюзивной информацией как о факте задержания, так и о планируемых следственных действиях с П.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено и не отрицается самим адвокатом С., что супруга П. – По. с ним не только не коммуницировала, но и не была на тот момент знакома, не обладала информацией ни о нем, ни о необходимости привлечения адвоката для

оказания юридической помощи П. В протоколе задержания отсутствуют сведения о номере телефона, по которому П. якобы связывался с матерью бывшей супруги – В. При этом адвокат С. не отрицает свое участие в составлении протокола задержания П., что свидетельствует о получении им информации о необходимости прибытия в СО ... СК РФ по ... прежде, чем П. в ходе составления протокола задержания было разъяснено право на телефонный звонок для уведомления о факте своего задержания. Наконец, адвокат С. в своих объяснениях неоднократно указывал, что с просьбой об оказании юридической помощи П. к нему обратился мужчина.

При таких обстоятельствах, достоверно установленных в результате дисциплинарного разбирательства, Совет приходит к выводу о том, что источником информации для адвоката С. о фактическом задержании П. не были и не могли быть лица из первой группы.

Вместе с тем, из материалов дисциплинарного производства, в том числе из объяснений самого адвоката С., следует, что информация о потребности П. в получении юридической помощи была получена адвокатом С. от неизвестного мужчины до составления протокола явки П. с повинной, которое имело место уже в присутствии адвоката С. 07 августа 2022 августа в 03 час. 45 мин. На тот момент никто из представителей первой группы не мог знать ни о факте явки П. с повинной, ни о его задержании.

Следовательно, единственным источником информации о потребности П. в получении юридической помощи могли являться и являлись представители второй группы – сотрудники правоохранительных органов, в том числе следователи СО ... СК РФ по ..., которые обладали полной и эксклюзивной информацией как о факте задержания П., так и о планируемых следственных и иных процессуальных действиях с ним.

Сведений о том, что какие-либо иные лица, не входящие в состав описанных выше первой и второй групп, также обладали сведениями о том, что П. был фактически задержан и имел потребность в получении юридической помощи, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Совет отмечает, что адвокат С. ни в ходе дисциплинарного разбирательства в Квалификационной комиссии, ни на момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом не сформулировал какой-либо позиции о том, кто еще, помимо перечисленных выше лиц, мог быть источником информации о необходимости оказания П. юридической помощи.

Помимо этого, Совет отмечает, что адвокат С. пояснил, что, выясняя в ходе общения с П. вопрос об оплате его «услуг», получил от последнего ответ о том, что тот не в состоянии самостоятельно исполнить эти обязательства. Таким образом, Совет констатирует, что адвокат С. заключил договор на осуществление защиты П. в условиях невозможности получения оплаты за выполняемую им работу.

Из анкеты адвоката С., содержащейся в его личном деле в Адвокатской палате города Москвы, усматривается, что с 07 сентября 2007 года по 15

января 2011 года он работал следователем по особо важным делам следственного отдела по городу ... Следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по ..., а с 15 января 2011 года по 02 мая 2012 года – следователем по особо важным делам следственного отдела по городу ... Следственного комитета РФ по ..., то есть именно в том следственном органе, где находился П. 07 августа 2022 года и где производилось его задержание, получение от него явки с повинной и другие процессуальные действия. Затем, вплоть до 06 мая 2015 года, С. работал на различных должностях сначала в подразделениях Следственного комитета РФ, а затем в Прокуратуре ..., где осуществлял процессуальный контроль и надзор за процессуальной деятельностью в органах Следственного комитета РФ.

С учетом изложенной выше совокупности обстоятельств, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным и доказанным, что о расследуемом уголовном деле, о фактическом задержании П. и о месте, в котором тот удерживается в целях производства с ним неотложных следственных и иных процессуальных действий, адвокат С. мог узнать только от сотрудников правоохранительных органов, и именно следователь, в производстве которого находилось вышеуказанное уголовное дело, лично или опосредованно, предложил адвокату С. явиться в следственный орган для осуществления защиты П. При этом установление способа и конкретного лица, сообщившего ему о необходимости оказания П. юридической помощи, на квалификацию деяния адвоката С. при изложенных обстоятельствах не влияет. Закон классической логики – исключенного третьего при достоверно установленных Квалификационной комиссией и описанных выше обстоятельствах исключает любые разумные сомнения в том, что единственным источником информации адвоката С. о потребности П. в получении юридической помощи были сотрудники правоохранительных органов.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что оформление адвокатом С. Договора на ведение уголовного дела от 07 августа 2022 года № ..., предусматривающего осуществление защиты П., являлось лишь средством прикрытия его вступления в уголовное дело по устной договоренности со следователем, в производстве которого находилось данное уголовное дело, и обеспечения формальной возможности получения процессуального статуса защитника П.

На это же указывает и последующее поведение адвоката С., который в дальнейшем не предпринимал каких-либо действий, направленных на взыскание с П. вознаграждения по заключенному договору.

Согласно пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами».

Описанные действия адвоката С. по заключению с П. Договора на ведение уголовного дела от 07 августа 2022 года № 231 этому запрету прямо противоречат.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившемся в заключении им с фактически задержанным П. 07 августа 2022 года в помещении следственного отдела по городу ... Следственного комитета Российской Федерации по ... Договора на ведение уголовного дела № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело № ... в качестве защитника П. для оказания содействия следователю, в производстве которого находилось уголовное дело, в проведении с П. первоначальных следственных и иных процессуальных действий.

Рассматривая доводы жалобы о том, что между адвокатом С. и П. не было конфиденциального общения, адвокат С. не разъяснил П. последствия дачи им недостоверных показаний, позицию защиты не согласовал, не консультировал в ходе проведения процессуальных действий, защиту П. не осуществлял, Совет отмечает, что они какими-либо доказательствами не подтверждены, тогда как сам адвокат С. указанные дисциплинарные обвинения отрицает.

При таких обстоятельствах Совет, также соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Рассматривая доводы жалобы о том, что адвокат С. не ведет адвокатское производство, не представил П. по его письменной просьбе отчет о проделанной работе и копию соглашения на его защиту, Совет соглашается с доводом адвоката С. о том, что у него не имелось оснований считать письмо (трек номер ...), отправленное ему из почтового отделения, расположенного в городе ..., а не из следственного изолятора, подлинным письмом П., поскольку в тот момент в отношении последнего была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а в силу ч. 2 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» переписка подозреваемых и обвиняемых может осуществляться только через администрацию места содержания под стражей.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства также и в указанной части.

Совет отклоняет как несостоятельные и не основанные на нормах профессиональной этики доводы адвоката С. о наличии оснований для прекращения дисциплинарного производства в силу истечения шестимесячного срока с момента поступления в адвокатскую палату

информации о допущенном им нарушении, а также в связи с тем, что ранее в возбуждении дисциплинарного производства в отношении него по аналогичной жалобе было отказано. Действующая редакция п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не содержит нормы о шестимесячном сроке применения мер дисциплинарной ответственности, поскольку она была исключена решением VIII Всероссийского съезда адвокатов 20 апреля 2017 года, а предшествующий отказ в возбуждении дисциплинарного производства не лишает заявителя права обратиться с новой жалобой, а соответствующие органы адвокатского самоуправления – возбудить дисциплинарное производство по такой жалобе, являющейся допустимым поводом для этого, и провести дисциплинарное разбирательство.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный, тяжкий и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных и основополагающих профессиональных правил вступления в уголовное дело, формирования взаимоотношений с сотрудниками правоохранительных органов и с доверителем. Игнорирование императивного нормативного запрета вступления в уголовное дело в качестве защитника недостойным способом, с нарушением принятых в адвокатском сообществе правил, а именно – навязывание своей помощи путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов, равно как использование адвокатского статуса и полномочий защитника с целью оказания содействия следователю ни при каких обстоятельствах не могут быть допустимы в силу явной несовместимости такого профессионального поведения со статусом адвоката.

Совокупность установленных и описанных выше обстоятельств убедительно показывает, что адвокат С. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката С. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не усматривает оснований для применения к адвокату С. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление С. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание

полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем (в редакции Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ); нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности С., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1 и 2 п. 2 ст. 17, п. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (Адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П., выразившееся в заключении им 07 августа 2022 года в помещении следственного отдела по городу ... Следственного комитета Российской Федерации по ... с П. Договора на ведение уголовного дела № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело № ... в качестве защитника П. для оказания содействия следователю, в производстве которого находилось уголовное дело, в проведении с П. первоначальных следственных и иных процессуальных действий.

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе П. от 25 апреля 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков